

Лунная эссенция оказалась невероятно действенным средством — точь-в-точь как пишут в романах. Жун Чэньцзюнь хватило всего одной ночи, чтобы почувствовать небывалую легкость: от усталости не осталось и следа, а на душе прояснилось, ушли даже самые мрачные мысли.

Понимая, насколько полезна эта загадочная сила, Жун Чэньцзюнь честно простоял с малышом на балконе до самого утра. Он всерьез опасался, что после целой ночи на сквозняке в одной лишь легкой домашней одежде непременно свалится с простудой. Однако вместо болезни пришло ощущение полного обновления, будто он заново родился.

Не в силах найти разумное объяснение случившемуся, он в конце концов списал все чудеса на необычную природу своего маленького гостя.

Сам кроха тоже мало что понимал. На расспросы он лишь растерянно моргал, не зная, как это объяснить, и упрямо твердил одно и то же: мол, Жун-жун тоже великий демон, а потому поглощать лунную эссенцию для него — дело самое обычное.

Жун Чэньцзюнь, само собой, только посмеивался. Он решил, что малыш просто души в нем не чает и от избытка обожания причисляет к собственному роду.

Эту загадку он отложил на будущее, решив пока к ней не возвращаться.

Зато в учебе И Даньдань делал семимильные шаги. С той памятной ночи полнолуния пролетел месяц, и за это время малыш научился с легкостью производить в уме любые арифметические действия в пределах сотни. Складывал, вычитал, умножал и делил он теперь куда быстрее самого Жун Чэньцзюня... Кхм.

Вдобавок он назубок выучил пиньинь и читал без запинки. Почти все незнакомые иероглифы, если только они не были совсем уж редкими и архаичными, Даньдань теперь спокойно узнавал по транскрипции.

Писать он пока не умел, но для чтения его словарного запаса вполне хватало. Малыш был еще совсем крошечным, и Жун Чэньцзюнь не собирался готовить его к поступлению в университет — главное, чтобы тот свободно ориентировался в тексте.

Жун Чэньцзюнь уже со счета сбился, удивляясь гениальности своего питомца. Освоить такой объем знаний меньше чем за месяц — это превосходило любые, даже самые смелые ожидания.

Но больше всего радовало то, что стоять у мальчика над душой не требовалось: Даньдань занимался сам, проявляя поразительную сознательность и усидчивость — черты, которые Жун Чэньцзюнь ценил превыше всего.

«Весь в отца», — не без гордости думал Жун Чэньцзюнь, чувствуя, как в груди разливается теплое, по-родительски приятное тщеславие. Ну а как иначе?

Помимо уроков, Жун Чэньцзюнь старался расширять кругозор крохи. Каждый раз, уезжая по делам, он созванивался с Даньданем по видеосвязи. Нарочно выбирая более длинные маршруты, он показывал ему городские улицы и подробно рассказывал обо всем, что попадалось на пути.

Звонок он сбрасывал лишь у самых дверей офиса. На улице прохожим не было до него дела, но в компании Жун Чэньцзюнь слыл человеком серьезным и суровым. Попадись он подчиненным на глаза с телефоном в руках и глуповато-счастливой улыбкой на лице — слухов и сплетен было бы не избежать.

Идея с виртуальными экскурсиями принадлежала самому Даньданю. Стоило Жун Чэньцзюню однажды показать ему оживленную торговую улицу через камеру, как малыш буквально загорелся миром за пределами квартиры. Он твердо решил узнать как можно больше, чтобы поскорее выйти наружу по-настоящему.

Признаться честно, сам Жун Чэньцзюнь этой перспективе не радовался.

Малыш был крошечным, размером с ладонь. Что, если он случайно выронит его и потеряет в толпе? Или наткнется на какого-нибудь негодяя? Пусть кроха и владел магией, он оставался наивным ребенком, совершенно не знающим, сколько зла и опасностей таит в себе этот мир.

Были и эгоистичные мотивы, в которых Жун Чэньцзюнь стыдился признаться даже самому себе. Дома малыш полностью зависел от него и доверял ему безраздельно. Но вдруг, увидев, как прекрасен и огромен мир вокруг, он захочет упорхнуть из их уютного гнездышка?

Поэтому каждый раз, глядя на усердную учебу Даньданя, Жун Чэньцзюнь испытывал странную смесь гордости и щемящей тоски.

Он еще даже не завел семью, а уже в полной мере познал тяжелую долю отца, чей ребенок рвется на волю, оставляя родителя томиться в тревоге и ревности.

Впрочем, стоило этой эгоистичной мысли мелькнуть в голове, как он тут же мысленно давал себе пощечину. Даньдань хоть и маленький, но мыслящий и свободный. Запирать его дома под предлогом заботы о безопасности — не то же ли самое, что держать в золотой клетке?

Он раз за разом уговаривал себя смириться и успокоиться, но когда кроха наконец озвучил свое заветное желание, сердце Жун Чэньцзюня предательски сжалось.

— Жун-жун, я уже так долго учусь! Ну поехали со мной на улицу, пожалуйста?

Малыш преданно и серьезно заглянул ему в глаза.

В этот момент они сидели перед телевизором. Жун Чэньцзюнь как раз аккуратно обрабатывал

наждачной бумагой крошечный шкафчик для игрушек — размером примерно с два мобильных телефона. Он мирно беседовал с маленьким яичным духом, когда тот задал свой вопрос, и у Жун Чэньцзюня от неожиданности тоскливо заныло в груди.

Он долго молчал, затем медленно отложил недоделанную мебель, опустился перед диваном на корточки и мягко спросил, глядя малышу прямо в глаза:

— Даньдanh, тебе правда так сильно хочется выйти наружу?

И Даньдanh, конечно, и не подозревал о буре, бушевавшей в душе мужчины. Он лишь помнил, ради чего так упорно грыз гранит науки целый месяц. Теперь, когда он со всем справился, пришло время для награды.

Однако Жун-жун словно напрочь забыл о собственном обещании и даже не заикался о прогулке. Малыш немного дулся, но подумал, что взрослый просто закрутился на работе, и решил вежливо напомнить.

Услышав вопрос, он закивал без малейших колебаний:

— Да! Очень хочу!

Взгляд Жун Чэньцзюня потускнел. Осознание собственного эгоизма кололо сердце, но он не выдержал и признался глухим голосом:

— А я... я не хочу, чтобы ты уходил, Даньдanh.

Крошечный дух надул щеки от возмущения:

— Жун-жун, ты нарушаешь свое слово! Ты же обещал, что покажешь мне мир!

— Но на улице полно опасностей, малыш. Вдруг тебя кто-то увидит? Вдруг ты потеряешься? Я же с ума сойду от горя.

Заметив, что малыш насупился, Жун Чэньцзюнь заволновался.

Даньдanh смягчился. Он забавно выпятил грудь и смешно согнул тоненькие ручки, демонстрируя воображаемые бицепсы:

— Не потеряюсь, Жун-жун! Я сильный! Если какой-то плохой дядя посмеет меня обидеть, я так его заколдую, что он все зубы растеряет! Я обещаю вести себя очень тихо и ни на шаг от тебя не отходить. Ну пожалуйста, Жун-жун... Поехали! Ты же у меня самый-самый лучший!

С этими словами он подлетел поближе и вцепился обеими ладошками в палец Жун Чэньцзюня, лежащий на подлокотнике. Сдвинуть его с места сил не хватало, но умильная попытка раскатать руку мужчины говорила сама за себя: кроха вовсю ластился и умолял.

Сердце Жун Чэньцзюня окончательно растаяло. Рядом с этим чудом все его строгие принципы и страхи испарялись без следа. Против такого сокрушительного обаяния у него не было шансов.

— Ладно, — сдался он. — Завтра возьму тебя с собой в офис...

Но едва заветные слова сорвались с губ, как к нему вернулся рассудок, и мужчина отчаянно захотел взять обещание назад.

Куда там! Даньдань мгновенно разгадал его маневр и не оставил Жун Чэньцзюню ни единого шанса пойти на попятную. Взмыв в воздух, он подлетел прямо к его лицу и звучно чмокнул в щеку, восторженно пища:

— Ура-а-а! Жун-жун, ты лучший! Я так сильно тебя люблю!

Жун Чэньцзюнь только вздохнул:

«Ну что с тобой поделаешь...»

В конце концов, лишь бы ребенок улыбался.

Вся былая грусть мгновенно улетучилась. Новоиспеченный «родитель» оказался на удивление податливым на ласку. Сейчас все его многодневные душевные терзания казались глупыми и надуманными — ради этой искренней детской радости можно было пойти на любой риск.

— Но помни о правилах: сидеть в кармане тише воды, ниже травы. Пока я сам тебя не позову, наружу не высываться. И уж тем более не вздумай летать по кабинету без спроса. Договорились?

На радостях Даньдань был готов подписаться под любыми условиями:

— Да-да, Жун-жун, я буду паинькой!

Жун Чэньцзюнь самодовольно постучал пальцем по другой щеке:

— А теперь поцелуй меня сюда.

Даньдань счастливо улыбнулся, обозначив очаровательные ямочки на щеках. Он радостно прижался к щеке мужчины и осыпал ее звонкими поцелуями.

Жун Чэньцзюнь расплылся в довольной улыбке. От его недавних сомнений не осталось и следа.

Той ночью перевозбужденный малыш долго не мог уснуть, а наутро вскочил ни свет ни заря и сразу же принялся вертеться перед зеркалом, наводя марафет.

С тех пор как Даньдань принял человеческую форму, единственным его примером для подражания оставался Жун Чэньцзюнь. Неудивительно, что кроха перенял у своего опекуна все привычки: от легкого нарциссизма до дотошной любви к безупречной чистоте и порядку.

Жун Чэньцзюнь нашел ему целую гору крошечной одежды и обуви... и, кхм, немало пышных платьиц. Мужчина даже пытался хитростью заставить малыша их примерить. Сначала доверчивый Даньдань соглашался, но быстро понял, что обилие розового цвета, бесконечные рюши, кружева и бантики его раздражают, и наотрез отказался наряжаться девчонкой.

Первым делом кроха полетел в ванную. Специально для него на раковине устроили миниатюрный туалетный столик с крошечной вешалкой, где висело пушистое полотенце. Рядом ровными рядами стояли деревянный тазик, стаканчик и бутылочка детского ополаскивателя для рта.

Жун-жун жаловался, что сделать микроскопическую зубную щетку вручную выше его сил, поэтому заказал ее на фабрике по индивидуальным чертежам. Посылка должна была прийти со дня на день, а пока приходилось обходиться жидким средством.

Зачерпнув стаканчиком ровно одну каплю воды из-под крана, Даньдань хорошенько прополоскал рот. Затем он наполнил свой тазик, капнул туда капельку мягкой пенки для умывания, тщательно вымыл лицо и аккуратно нанес нежный детский крем, который Жун Чэньцзюнь купил специально для него.

Закончив с водными процедурами, яичный дух полетел обратно в свой кукольный особняк и устроился перед зеркалом, которое заботливый Жун-жун повесил в его маленькой гардеробной.

К слову, гардероб у Даньданиа ломился от вещей не хуже, чем у его взрослого покровителя. Шкафы были забиты эксклюзивными нарядами ручной работы от лучших кутюрье — настоящая роскошь в миниатюре.

Открыв дверцы, кроха долго перебирал вешалки и наконец остановил свой выбор на небесно-голубом худи, черных спортивных штанах на резинке и крошечных кедах. Идеальное сочетание.

Обувь сидела свободновато, но плотные носочки исправили дело. Довольный результатом, Даньдanh принялся крутиться перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон.

«И кто же это у нас такой красивый в зеркале?»

«Конечно же, наш Даньдanh!»

«А кто краше — Даньдanh или Жун-жун?»

«Хм, ну разумеется, Даньдanh!»

Позабавившись этой невинной беседой с самим собой, он на секунду задумался, а затем выпорхнул из домика и направился напрямик в большую гардеробную Жун Чэньцзюня. С помощью капли магии он без труда выдвинул тяжелый ящик комода.

Обхватив руками огромный по его меркам флакон духов, Даньдanh изо всех сил нажал на дозатор и тут же отлетел в сторону, сделав изящный пируэт прямо посреди оседающего ароматного облака. Готово!

Вернув парфюм на место, довольный проделанной работой малыш устремился в спальню хозяина дома.

— Жун-жун, Жун-жун, просыпайся! Солнышко уже высоко, соня-лежебока!

Жун Чэньцзюнь вяло отмахнулся и сонно пробормотал:

— Ну еще пять минуточек... Не шуми...

— Жун-жун, если ты сейчас же не встанешь, мы точно опоздаем!

— Жун-жун!

Мужчине ничего не оставалось, кроме как подчиниться этому настойчивому будильнику. Он открыл затуманенные сном глаза еще до того, как зазвонил мобильный. Посмотрев на источник шума, Жун Чэньцзюнь изумленно замер.

Перед ним парил белоснежный, румяный карапуз. Волосок к волоску, одежда сидит безупречно, а вокруг распространяется изысканный шлейф парфюма.

Хм, кажется, это его любимый древесный аромат с нотками кедра.

А на ногах красовались крошечные кеды — невероятное зрелище, учитывая, что дома Даньдань всегда бегал босиком.

Малыш выглядел настолько очаровательно и нарядно, что остатки сна у Жун Чэньцзюня как рукой сняло.

Он скосил глаза на часы на прикроватной тумбочке...

«Слушай, чудо мое, сейчас только шесть утра. Куда ты так вырядился в такую рань?»

<http://bllate.org/book/18224/1749207>